

Наполеонъ на островъ св. Елены ¹⁾.

Моро, самый выдающийся послѣ Бонапарта генераль первой французской республики, въ которомъ послѣдній видѣлъ своего соперника, былъ, какъ извѣстно, обвиненъ въ участіи въ заговорѣ Пишегрю и Кадудала противъ перваго консула. Обреченный на изгнаніе, онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Америкѣ; откуда вернулся въ 1813 г., по приглашенію Императора Александра I и состоялъ въ роли совѣтника при главной квартирѣ союзныхъ монарховъ; въ сраженіи подъ Дрезденомъ, 15 (27) августа, онъ былъ смертельно раненъ ²⁾.

„Во время сраженія подъ Дрезденомъ, рассказывалъ Наполеонъ, я отдалъ приказаніе, чтобы оба фланга моей арміи атаковали союзниковъ одновременно. Въ то время какъ выполнялся этотъ маневръ, центръ оставался неподвиженъ. Замѣтивъ отрядъ тяжелой неприятельской кавалеріи, наблюдавшей повидимому за моими движеніями, я подозвалъ одного артиллерійскаго капитана и приказалъ ему выпустить по этому отряду нѣсколько зарядовъ. Мое приказаніе тотчасъ было исполнено. Одно изъ ядеръ попало въ Моро, оторвало ему ноги и ранило его лошадь. Я полагаю, что изъ стоявшихъ подлѣ него лицъ нѣкоторые были убиты или ранены. Императоръ Александръ только что бесѣдовалъ съ нимъ нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, и Моро ампутировали ноги неподалеко отъ того мѣста, гдѣ Императоръ стоялъ съ нимъ. Какой-то крестьянинъ

¹⁾ См. „Русская Старина“ январь 1912 г.

²⁾ Тѣло его перевезено въ С.-Петербургъ и погребено въ католической церкви св. Екатерины.

Наполеонъ на островъ св. Елены ¹⁾.

Моро, самый выдающийся послѣ Бонапарта генераль первой французской республики, въ которомъ послѣдній видѣлъ своего соперника, былъ, какъ извѣстно, обвиненъ въ участіи въ заговорѣ Пишегрю и Кадудала противъ перваго консула. Обреченный на изгнаніе, онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Америкѣ; откуда вернулся въ 1813 г., по приглашенію Императора Александра I и состоялъ въ роли совѣтника при главной квартирѣ союзныхъ монарховъ; въ сраженіи подъ Дрезденомъ, 15 (27) августа, онъ былъ смертельно раненъ ²⁾.

„Во время сраженія подъ Дрезденомъ, рассказывалъ Наполеонъ, я отдалъ приказаніе, чтобы оба фланга моей арміи атаковали союзниковъ одновременно. Въ то время какъ выполнялся этотъ маневръ, центръ оставался неподвиженъ. Замѣтивъ отрядъ тяжелой неприятельской кавалеріи, наблюдавшей повидимому за моими движеніями, я подозвалъ одного артиллерійскаго капитана и приказалъ ему выпустить по этому отряду нѣсколько зарядовъ. Мое приказаніе тотчасъ было исполнено. Одно изъ ядеръ попало въ Моро, оторвало ему ноги и ранило его лошадь. Я полагаю, что изъ стоявшихъ подлѣ него лицъ нѣкоторые были убиты или ранены. Императоръ Александръ только что бесѣдовалъ съ нимъ нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, и Моро ампутировали ноги неподалеко отъ того мѣста, гдѣ Императоръ стоялъ съ нимъ. Какой-то крестьянинъ

¹⁾ См. „Русская Старина“ январь 1912 г.

²⁾ Тѣло его перевезено въ С.-Петербургъ и погребено въ католической церкви св. Екатерины.

принесъ королю Саксонскому, валявшуюся на полѣ битвы ногу вмѣстѣ съ сапогомъ, и высказалъ догадку, что раненъ какой-нибудь важный офицеръ. Полагая, что по сапогу можно узнать, кто именно раненъ, король прислалъ сапогъ мнѣ. При осмотрѣ его удалось установить одно — что сапогъ былъ не англійскаго и не французскаго издѣлья. На другой день мы узнали, что это была нога Моро. Любопытно, продолжалъ Наполеонъ, что нѣсколько времени спустя, когда, при подобныхъ же обстоятельствахъ, я приказалъ тому же артиллерійскому офицеру дать залпъ изъ тѣхъ же орудій, на стоявшую вдали группу офицеровъ, въ числѣ нѣсколькихъ лицъ былъ убитъ другой французскій генераль Сенъ-Пріестъ, командовавшій въ русской арміи отдѣльной частью“.

Наполеонъ отзывался съ большимъ почтеніемъ о прусской королевѣ Луизѣ; онъ ее очень уважалъ и говорилъ, что если бы король привезъ ее въ Тильзитъ съ самаго начала, то ему вѣроятно удалось бы добиться лучшихъ условій мира.

„Она была изящна, умна, прекрасно образована“, вспоминалъ Наполеонъ. „Воспоминаніе о Фридрихѣ Великомъ погубило насъ, говорила мнѣ королева; мы считали себя равными ему, но намъ до него далеко“.

Когда О’Меара замѣтилъ, что враги Императора обвиняли его въ томъ, что онъ обошелся съ этой принцессой жестоко.

„Что, воскликнулъ Наполеонъ, неужели говорятъ, что я ее отравилъ? — Нѣтъ, но они утверждаютъ, что вы были причиною ея смерти, которая вызвана огорченіемъ, причиненнымъ ей разореніемъ ея родины“.

„Весьма вѣроятно, замѣтилъ Наполеонъ, что горе, причиненное печальнымъ положеніемъ ея супруга и родины, понесенными ими потерями и испытаннымъ ими униженіемъ, ускорило ея кончину; но я не виновенъ въ этомъ. Къ чему король прусскій объявилъ мнѣ войну? Несмотря на это, я не только не былъ жестокъ къ ней, но никто не выказалъ ей столько вниманія и почтенія, никто не уважалъ ее такъ, какъ я; она даже благодарила меня за это“.

Однажды разговоръ зашелъ о Россіи.

„Если бы Павелъ прожилъ долѣе, сказалъ Наполеонъ, Англія была бы вынуждена заключить, въ скоромъ времени, миръ, она не могла бы долго противустоять соединеннымъ силамъ сѣверныхъ державъ. Я писалъ Павлу и совѣтовалъ ему построить суда, постараться сосредоточить на Средиземномъ морѣ многочисленный флотъ, образовать противъ Англій коалицію сѣверныхъ державъ, и, уклоняясь отъ сраженія съ англійскими войсками, предоставить имъ постепенно истощить свои силы“.

„Александръ и король прусскій обѣдали со мною каждый день, продолжалъ Наполеонъ. Однажды, Александръ заговорилъ со мною о кончинѣ своего отца; воспоминаніе объ этомъ событіи глубоко опечалило его, и я поспѣшилъ перевести разговоръ на другую, не столь мрачную тему“.

На вопросъ, полагаетъ ли Наполеонъ, что Павелъ былъ въ самомъ дѣлѣ боленъ: „Да, отвѣчалъ Наполеонъ, я думаю, что послѣднее время онъ былъ не вполне нормаленъ.“

„Въ началѣ онъ былъ предубѣжденъ противъ революціи и противъ всѣхъ тѣхъ, кто принималъ въ ней участіе; но мнѣ удалось измѣнить это мнѣніе и склонить его къ болѣе благоразумному взгляду. Если бы Павелъ жилъ долѣе, Англія потеряла бы Индію. Мы выработали совмѣстно съ нимъ планъ ея завоеванія. Планъ былъ составленъ мною; я обязался послать тридцать тысячъ хорошаго войска; онъ со своей стороны долженъ былъ послать такое же число лучшихъ солдатъ и сорокъ тысячъ казаковъ. Я далъ бы десять милліоновъ на покупку верблюдовъ и прочихъ предметовъ необходимыхъ для похода въ пустынь. Мои солдаты должны были соединиться въ Варшавѣ съ русскими войсками и съ казаками. Изъ этого города наши соединенныя войска должны были направиться къ Каспійскому морю, гдѣ они были бы посажены на суда, или продолжали бы походъ пѣшекомъ, смотря по обстоятельствамъ. Я бы послалъ въ Персію посланника для защиты моихъ интересовъ“.

На вопросъ, правда ли, что Императоръ Александръ хотѣлъ овладѣть Турціей, Наполеонъ отвѣчалъ: „Всѣ его помыслы направлены къ этому. Мы неоднократно обсуждали этотъ вопросъ. Въ началѣ эта мысль привела меня въ восторгъ; я подумалъ, что, оттѣснивъ этихъ дикарей за Босфоръ, онъ тѣмъ самымъ будетъ содѣйствовать успѣхамъ цивилизаціи; но когда я представилъ себѣ могущія произойти изъ этого послѣдствія, когда я подумалъ о томъ, какъ могущественна станетъ Россія, обладая огромнымъ числомъ грековъ, живущихъ въ провинціяхъ, подвластныхъ султану, которые естественно присоединились бы къ Россіи, то я отказался содѣйствовать этому плану, тѣмъ болѣе, что Александръ хотѣлъ сохранить Константинополь за собою; я на это не могъ согласиться, такъ какъ это нарушило бы устойчивость политическаго равновѣсія Европы.“

„Я понялъ, что Франція съ Египтомъ, Сиріей и Индія были бы ничто въ сравненіи съ Россіей и съ ея новыми приобрѣтеніями. Сѣверные варвары безъ того слишкомъ могущественны, подумалъ я; они завладѣютъ, со временемъ, всей Европой; я это думаю и теперь. Австрія уже трепещетъ передъ ними. Если Россія и Пруссія

соединятся, то Австрія будетъ уничтожена раньше, нежели Англія сможетъ помѣшать этому. Франція въ настоящее время ничто, австрійцы такъ слабы, что ихъ легко побѣдить. Una nazione a colpo di bastone ¹⁾. Они не окажутъ большого противодѣйствія русскимъ, которые храбры и терпѣливы. Россія сильна тѣмъ, что ея войска находятся всегда въ состояніи боевой готовности, въ Россіи солдатъ всегда остается солдатомъ. Русскіе—варвары, не знающіе, что такое отечество; всякая страна кажется имъ лучше ихъ родины. Когда казаки вступили во Францію, имъ было безразлично, какія женщины попадались имъ въ руки: старыя или молодыя—всѣ казались имъ лучше тѣхъ, которыхъ они оставили дома. Русскіе бѣдны, имъ необходимо дѣлать завоеванія“.

Вспоминая о сраженіи при Ватерлоо, Наполеонъ замѣтилъ, что историки, обсуждая планъ этого сраженія, не будутъ особенно высококаго мнѣнія о талантахъ лорда Веллингтона, какъ генерала. Во-первыхъ, онъ не долженъ былъ начинать битву, когда его войско не было еще сосредоточено; а сосредоточивъ его, онъ долженъ былъ простоять лагеремъ до 15 числа. Затѣмъ, онъ плохо выбралъ мѣстность; если бы счастье измѣнило ему, то онъ не могъ бы отступить, по той причинѣ, что въ тылу у него была всего одна дорога, ведущая въ лѣсъ. Онъ сдѣлалъ огромную ошибку, которая могла повлечь за собою гибель его арміи до сраженія. Онъ далъ застигнуть себя врасплохъ.

„15 числа я находился въ Шарлеруа и разбилъ пруссаковъ, о чемъ ему не было ничего извѣстно. Это было большое преимущество для меня, и если бы кто-либо изъ моихъ генераловъ обнаружилъ такую энергію и геніальную сообразительность, какая была выказана ими при другихъ обстоятельствахъ, то я, не давая сраженія, окружилъ бы войска Веллингтона въ мѣстѣ ихъ расположенія. Но мои генералы упали духомъ; имъ казалось, что передъ ними, со всѣхъ сторонъ, находятся арміи, численностью тысячъ во сто каждая.

„Мнѣ самому некогда было заняться второстепенными подробностями по организаціи моихъ войскъ. Я рассчитывалъ, дѣйствуя поспѣшно, застигнуть непріятеля врасплохъ и разбить его по частямъ. Въ одиннадцать часовъ я узналъ о появленіи Блюхера, но не обратилъ на это вниманія; у меня было еще 80 шансовъ на сто на успѣхъ. Несмотря на значительное превосходство численныхъ силъ непріятеля, я былъ увѣренъ, что одержу побѣду. У меня было приблизительно семьдесятъ тысячъ человекъ, изъ коихъ пятнадцать

¹⁾ Чтобы побить этотъ народъ, достаточно вооружиться палкой.

тысячъ кавалеріи; кромѣ того 250 орудій; но качественное превосходство моихъ войскъ было таково, что я считалъ ихъ способными разбить сто двадцати тысячную непріятельскую армію. У лорда Веллингтона было девяносто тысячъ человекъ и 250 орудій, а у Блюхера тридцать тысячъ человекъ, т. е. всего сто двадцать тысячъ человекъ.

„Изъ всѣхъ этихъ войскъ я считалъ достойными соперниками однихъ англичанъ; прочіе мало интересовали меня. По моему мнѣнію, тридцать пять или сорокъ тысячъ англичанъ были также храбры и также же хорошіе воины, какъ мои солдаты.

„Англійская армія зарекомендовала себя послѣднее время съ выгодной стороны на континентѣ; при томъ англичане отъ природы храбры и энергичны. Что касается пруссаковъ, бельгійцевъ и прочихъ, то достаточно было бы половины моей арміи, чтобы разбить ихъ. Я оставилъ всего 34 тысячи человекъ для обсерваціи за пруссаками. Сраженіе было проиграно изъ-за медленности Гюйо и небрежности, съ какою онъ выполнилъ мои приказанія; и вслѣдствіе того, что конно-гренадеры и кавалерія, подъ командою генерала Гюйо, коихъ я держалъ въ резервѣ, и которые не должны были отдаляться отъ меня, вступили въ бой безъ моего вѣдома, такъ что послѣ послѣдней атаки, когда мои войска были разбиты, и когда появилась англійская кавалерія, у меня уже не было ни одного резервнаго корпуса, чтобы противустоять имъ; иначе я имѣлъ бы вдвое больше войска, нежели англичане.—Вслѣдствіе этого ихъ атака увѣнчалась успѣхомъ, и для меня все было потеряно; я не имѣлъ возможности собрать войско. Самый неопытный генералъ не могъ сдѣлать подобной ошибки, оставивъ армію безъ всякаго резерва, была ли въ данномъ случаѣ измѣна или нѣтъ, не знаю. Таковы двѣ главныя причины, вслѣдствіе которыхъ сраженіе при Ватерлоо было мною проиграно“.

„Въ Тильзитѣ, гдѣ я былъ одновременно съ Императоромъ Александромъ и королемъ прусскимъ, я казался самымъ невѣжественнымъ изъ насъ троицъ въ военномъ дѣлѣ. Оба монарха, въ особенности король прусскій, были освѣдомлены въ совершенствѣ о томъ, сколько пуговицъ должно быть на мундирѣ, сколько спереди, сколько сзади, какъ должны быть скроены отвороты. Ни одинъ портной въ арміи не зналъ лучше короля прусскаго, сколько сукна идетъ на круглый жилетъ. Словомъ, я не могъ въ этомъ дѣлѣ соперничать съ ними.

„Они постоянно терзали меня вопросами, въ которыхъ я ничего не понималъ; чтобы не оскорблять ихъ, я отвѣчалъ такъ серьезно, какъ-будто судьба арміи зависѣла отъ покроя жилета.

Когда я посѣщалъ короля прусскаго, я видѣлъ у него вмѣсто библіотеки комнату, величиною съ арсеналъ, уставленную вѣшалками, на которыхъ висѣло пятьдесятъ—шестьдесятъ мундировъ разнаго покрою; онъ мѣнялъ ихъ ежедневно. Онъ придавалъ покрою драгунскаго или гусарскаго мундира не меньше значенія, какъ спасенію королевства. Это былъ высокаго роста сухощавый человѣкъ, въ фигурѣ и въ лицѣ котораго было что-то странное.

„Подъ Іеной прусская армія выполнила прекраснѣйшіе, блестящіе маневры; но я положилъ вскорѣ конецъ этимъ *soglioperie* (глупостямъ) и показалъ разницу между хорошими маневрами, умѣніемъ носить дорогой мундиръ и умѣніемъ сражаться. Если бы прусской арміей командовалъ въ тотъ день портной, она навѣрно одержала бы побѣду, такъ какъ ея начальствующія лица были очень свѣдущи въ портняжномъ искусствѣ; но такъ какъ побѣды зависятъ болѣе отъ таланта главнокомандующаго, нежели отъ искусства портного, который шьетъ ему мундиръ, то прусская армія не могла одержать побѣду“.

Курьезно представленіе, какое составилъ себѣ Наполеонъ о дальнѣйшей завоевательной политикѣ Россіи и объ угрожавшей Европѣ опасности, что ея „варварскія полчища“ въ своемъ стремленіи къ захвату новыхъ земель обрушатся на Европу, подобно полчищамъ новаго Тамерлана, сметая все передъ собою.

„Европейскія державы признаютъ со временемъ,—говорилъ Наполеонъ— что я дѣйствовалъ разумно, стараясь возстановить королевство Польское, это единственное раціональное средство, чтобы задержать ростъ Россіи и создать оплотъ противъ этой огромной державы, которая по всей вѣроятности заполонитъ вскорѣ всю Европу. Я не думаю, чтобы мнѣ довелось быть свидѣтелемъ этого,—сказалъ Наполеонъ своему собесѣднику,—но быть можетъ вы до этого доживете; вы еще молоды, вы можете прожить еще лѣтъ тридцать пять“.

„Россія,—продолжалъ онъ,—должна либо пасть, либо усилиться новыми завоеваніями; естественно предположить, что случится послѣднее. Завоевавъ новыя земли, Россія извлечетъ изъ этого двоякаго рода выгоду: она вступитъ на путь цивилизаціи и прогресса, пріобрѣтетъ тотъ лоскъ, который даетъ общеніе съ другими державами, наконецъ, обогатится и вступитъ въ сношенія съ жителями степей, съ которыми она воевала послѣдніе годы. Казаки, калмыки и прочіе варвары, пришедшіе съ русской арміей во Францію и въ другія страны Европы, присмотрѣвшись къ роскоши, будутъ вспоминать въ своихъ пустыняхъ о странахъ, гдѣ они имѣли красивыхъ женщинъ и хорошую пищу; они не только сами не будутъ

въ состояніи жить долѣе въ своихъ варварскихъ, бесплодныхъ степяхъ, но сообщать и своимъ сосѣдямъ желаніе завоевать болѣе прекрасныя страны. Весьма вѣроятно, что Александръ будетъ вынужденъ завоевать Индію, чтобы овладѣть ея богатствами и дать своимъ подданнымъ занятіе, дабы предотвратить въ Россіи революцію, или же онъ пойдетъ въ Европу во главѣ нѣсколькихъ сотъ тысячъ конницы и пѣхоты и смететъ все передъ собой. То, что я говорю вамъ, подтверждается исторіей всѣхъ вѣковъ; она учитъ насъ, что варвары, познавъ всю прелесть южно-европейскихъ странъ, устремлялись всегда туда неудержимо, опустошая все по пути и овладѣвая югомъ Европы. Человѣку свойственно стремленіе улучшить свое положеніе; такъ и эти *дикари*, сравнивая свои пустыни съ покинутыми ими прекрасными странами, будутъ стремиться завоевать ихъ, увѣренные въ томъ, что ни одинъ народъ не будетъ въ состояніи отомстить имъ за это и изгнать ихъ изъ ихъ степей. Эти *каналы* обладаютъ всѣмъ, что нужно, чтобы стать завоевателями. Они храбры, энергичны, легко переносятъ усталость, довольствуются малымъ, бѣдны и не прочь обогатиться. Я думаю однако, что все будетъ зависѣть отъ Польши. Если Александру удастся достигнуть того, что она тѣсно сольется съ Россіей, что поляки примирятся съ русскимъ правительствомъ и не будутъ смотрѣть на себя какъ на покоренную націю, то этимъ будетъ сдѣланъ крупный шагъ къ завоеванію Индіи. Я того мнѣнія, что онъ постарается выполнить тотъ или другой изъ указанныхъ мною плановъ; но скорѣе всего, по моему, послѣдній“.

На замѣчаніе, что Россія страна отдаленная, и что у русскихъ нѣтъ средствъ на такое грандіозное предпріятіе: „Разстояніе ничего не значитъ,—возразилъ императоръ,—сѣстные припасы легко перевезти на верблюдахъ; казаки всегда достанутъ ихъ достаточное число. Надежда на завоеваніе прельститъ казаковъ и калмыковъ, и они будутъ готовы сражаться безъ всякаго вознагражденія; если имъ обѣщаютъ дать на разграбленіе нѣсколько городовъ, то тысячи ихъ стянутся подъ знамена царя. Европа,—продолжалъ онъ—и Англія въ особенности, должна бы быть противъ присоединенія Польши къ Россіи.

„Пройдетъ нѣсколько лѣтъ, продолжалъ онъ, и Россія овладѣетъ Константинополемъ, бѣльшею частью Турціи и Греціей. По моему мнѣнію это такъ же несомнѣнно, какъ если бы это былъ совершившійся фактъ. Всѣ любезности, которыя мнѣ расточалъ Александръ, имѣли цѣлью добиться моего согласія на осуществленіе этого плана. Я не хотѣлъ согласиться на это, полагая, что этимъ будетъ нарушено равновѣсіе Европы. Турція, въ силу естественнаго

хода вещей, должна подпастъ подъ власть Россіи. Бѣольшая часть ея населенія состоитъ изъ грековъ,—это тѣ же русскіе. Англія, Франція, Пруссія и Австрія—вотъ державы, которыя имѣютъ право возстать противъ этого. Что касается Австріи, то Россіи не трудно будетъ добиться союза съ нею, отдавъ ей Сербію и другія провинціи, пограничныя съ австрійскими владѣніями, которыя простираются почти до самаго Константинополя. Франція и Англія могли бы заключить тѣсный союзъ съ цѣлью помѣшать осуществленію этого плана, который Россія и Австрія могутъ выполнить во всякое время. Овладевъ Константинополемъ, Россія будетъ владѣть всей торговлей Средиземнаго моря, она станетъ великой морской державой, и одному Богу извѣстно, какія послѣдствія это можетъ повлечь за собою.

„Россія изъ всѣхъ державъ самая опасная, въ особенности для Англіи. Ея солдаты храбрѣе австрійскихъ, она можетъ набрать ихъ сколько угодно; съ ними можно сравнить однихъ французовъ.

„Я предвижу все это, я дальновиднѣе другихъ. Возстановляя польскій престолъ и возведя на него Понятовскаго, я хотѣлъ противопоставить этимъ варварамъ преграду, но ваши ¹⁾ нелѣпыя министры не хотѣли на это согласиться.

„Лѣтъ черезъ сто меня будетъ превозносить Европа, въ особенности Англія пожалѣетъ о томъ, что мой планъ не былъ осуществленъ. Когда Европа станетъ добычею сѣверныхъ варваровъ, скажутъ: Наполеонъ былъ правъ.

„Русскіе начинаютъ съ васъ; они воспретили ввозъ вашихъ товаровъ; Англія приходитъ въ упадокъ. Даже Пруссія отвергаетъ все, исходящее изъ Англіи. Какая ужасная перемена! Въ управленіе великаго Чатама англичане запретили самому могущественному монарху Европы плавать по Шельдѣ и вести торговлю близъ Остенде; это былъ варварскій и несправедливый поступокъ, но вы могли это выполнить, ибо это согласовалось съ интересами Англіи. А теперь Пруссія запираетъ передъ вами всѣ порты! Какой позоръ! По моему мнѣнію, единственное спасеніе для Англіи—не вмѣшиваться въ дѣла континента и увести оттуда свои войска. Тогда вы будете въ состояніи отстаивать свои интересы, не боясь, что за это придется расплачиваться вашему войску.

„Вы превосходите всѣхъ на морѣ; ограничивъ свои дѣйствія этой сферой, вы будете всегда могущественны и васъ будутъ бояться. На вашей сторонѣ большое преимущество въ томъ, что вы можете объявить войну, когда хотите, и можете вести ее внѣ предѣловъ

¹⁾ т.-е. англійскіе.

своего отечества. При помощи своего флота вы можете угрожать побережью непріязненных вамъ державъ, вы можете мѣшать ихъ торговлѣ, они же не въ состояніи причинить вамъ существеннаго ущерба; между тѣмъ дѣйствуя такъ, какъ вы дѣйствуете теперь, вы лишаетесь всѣхъ этихъ преимуществъ. Вы отказались отъ самаго могущественнаго своего орудія и послали свои войска на континентъ, гдѣ ваши силы не могутъ сравняться даже съ баварскими войсками. Вы напоминаете мнѣ Франциска I, у котораго была въ сраженіи подъ Павіей превосходная, сильная артиллерія, но онъ выставилъ передъ нею кавалерію и этимъ замаскировалъ батареи, которыя одержали бы ему побѣду, если бы онъ употребилъ ихъ въ дѣло; онъ понесъ пораженіе, потерялъ все и былъ взятъ въ плѣнъ. Также точно и вы; вы не пользуетесь своими судами, которыя можно сравнить съ батареями Франциска I, и перебрасываете на континентъ сорокъ тысячъ войска, которое Пруссія, или любая держава можетъ разбить на голову“.

„Если бы мой походъ въ Россію увѣнчался успѣхомъ, я заставилъ бы Александра присоединиться къ континентальной системѣ и этимъ принудилъ Англію заключить миръ“.

На вопросъ, какія условія онъ поставилъ бы Англіи; „очень хорошія, отвѣчалъ Наполеонъ, я бы настоялъ только на томъ, чтобы вы прекратили свои непріязненные дѣйствія на морѣ“.

На вопросъ, оставилъ ли бы онъ Англіи Мальту, онъ отвѣчалъ утвердительно, присовокупивъ, что онъ усталъ воевать, и что онъ сталъ бы дѣйствовать на мирномъ поприщѣ такъ же энергично, какъ и на военномъ; онъ занялся бы украшеніемъ Франціи, улучшеніемъ ея быта, воспитаніемъ сына и составленіемъ исторіи своей жизни.

„По крайней мѣрѣ, замѣтилъ Наполеонъ, союзныя державы не могутъ отнять у меня чести выполненныхъ мною крупныхъ общественныхъ работъ, какъ-то: дорогъ, сооруженныхъ по моему повелѣнію черезъ Альпы, каналовъ, соединившихъ моря. Всѣ нововведенія и усовершенствованія, какія могутъ быть предприняты ими, были начаты мною. Они не могутъ отнять у меня чести составленія свода законовъ, который перейдетъ къ отдаленнѣйшему потомству. Слава Богу, всего этого они у меня не отнимутъ“.

Наполеонъ утверждалъ, что послѣ сраженія при Ватерлоо, онъ могъ бы, несмотря на всѣ усилія союзныхъ державъ, удержаться во Франціи, „но мнѣ казалось, что это можно было выполнить не иначе, какъ возведя тысячи людей на эшафотъ; мнѣ пришлось бы потонуть въ крови“, сказалъ онъ. „Если бы законодательный корпусъ дѣйствовалъ энергично, я бы восторжествовалъ, но его члены были напуганы; среди нихъ не было единодушія. Враги Франціи восторжествовали

главнымъ образомъ благодаря Лафайету. Чтобы обезпечить себѣ успѣхъ, мнѣ слѣдовало прибѣгнуть къ самымъ жестокимъ мѣрамъ. Тактика союзниковъ, заявившихъ, что они воюютъ только со мною, произвела сильнѣйшее впечатлѣніе. Если бы оказалось возможнымъ не отдѣлять моего дѣла отъ дѣла народа, то всѣ старанія союзныхъ державъ остались бы безплодны; но они изолировали меня, заявивъ, что съ моимъ устраненіемъ исчезли бы всѣ препятствія, и миръ былъ бы восстановленъ; они разъединили общественное мнѣніе, и я рѣшилъ отречься отъ престола. Если бы французскій народъ угадалъ намѣренія иностранцевъ и ихъ дальнѣйшую тактику, то онъ сплотился бы вокругъ меня. Но французы были застигнуты врасплохъ, какъ ягняты въ баснѣ, которыхъ волки увѣрили, что они воюютъ съ однѣми собаками: какъ только послѣднихъ удалили, они напали на ягнятъ и съѣли ихъ“.

„Существуютъ разныя мнѣнія, продолжалъ Наполеонъ, относительно того, какъ мнѣ слѣдовало дѣйствовать. Нѣкоторые высказывали тотъ взглядъ, что я долженъ былъ сражаться до послѣдняго человѣка. Другіе говорили, что такъ какъ счастье измѣнило мнѣ подъ Ватерлоо, то на этомъ должна была окончиться моя боевая карьера. Мнѣ слѣдовало умереть подъ Ватерлоо; быть можетъ даже раньше. Если бы я умеръ въ Москвѣ, за мною утвердилась бы, вѣроятно, слава величайшаго полководца. Но счастье измѣнило мнѣ, и съ тѣхъ поръ меня преслѣдуютъ неудачи; раньше я былъ непобѣдимъ. Въ томъ и бѣда, что смерть не приходитъ тогда, когда ее ищешь. Подлѣ меня, спереди, сзади лежали груды убитыхъ, меня же не задѣла ни одна пуля“.

„До похода въ Россію я не испытывалъ пораженія; правда, позднѣе, подъ Люценомъ и Бауценомъ я восстановилъ свою военную славу, хотя моя армія и состояла изъ однихъ новобранцевъ, и у меня почти не было кавалеріи; не омрачилъ мою славу и походъ 1814 г., несмотря на то, что я располагалъ значительно меньшими силами, нежели мои противники“.

На замѣчаніе, что всѣ были удивлены, почему онъ не заключилъ мира въ Шатильонѣ, когда его положеніе казалось отчаяннымъ, Наполеонъ отвѣчалъ: „Я не могъ согласиться на то, чтобы границы имперіи были сужены по сравненію съ тѣмъ, когда я вступилъ на престолъ: я поклялся сохранить Францію въ цѣлости. При томъ, союзныя державы дѣлали мнѣ изо дня въ день все болѣе и болѣе неприемлемыя предложенія. Можетъ быть васъ удивитъ то, что я скажу, но увѣряю васъ, что я и теперь не согласился бы подписать подобный договоръ. Если бы мнѣ удалось удержаться на престолѣ по возвращеніи моемъ съ острова Эльбы,

Франція осталась бы въ тѣхъ, болѣе тѣсныхъ, сравнительно съ прежнимъ, границахъ, въ какихъ она была въ то время, но я никогда не согласился бы добровольно измѣнить ея границъ. Самая большая, самая главная ошибка моя состояла въ томъ, что я не заключилъ мира въ Дрезденѣ. Напрасно я согласился заключить перемиріе; если бы я пошелъ впередъ, какъ это было возможно, то императоръ, мой тесть, никогда не сталъ бы дѣйствовать противъ меня“.

Къ этому Наполеонъ присовокупилъ, что, несмотря на оккупацию Парижа союзниками, ему все-таки удалось бы изгнать ихъ съ французской территоріи, но измѣна Мармона разстроила всѣ его планы. Онъ намѣревался проникнуть въ Парижъ подъ покровомъ ночи; чернь должна была напасть на союзниковъ въ занимаемыхъ ими домахъ; когда послѣднимъ пришлось бы сражаться съ войсками, прекрасно знавшими всѣ ходы и выходы, то они были бы вынуждены покинуть городъ, понеся огромныя потери. „Чернь была вполне къ этому подготовлена, а когда иностранцы покинули бы столицу, то народъ возсталъ бы противъ нихъ“.

„Я сообщилъ этотъ планъ барону Коллеру, и онъ призналъ, что выполненіе его могло поставить союзныя державы въ печальное положеніе“.

На вопросъ, какое время Наполеонъ считаетъ счастливѣйшимъ въ своей жизни, послѣ своего вступленія на престолъ: „Походъ изъ Канны въ Парижъ“, отвѣчалъ онъ.

„Когда Кастлери находился въ Шатильонѣ вмѣстѣ съ посланниками союзныхъ державъ, продолжалъ Наполеонъ, этотъ городъ былъ почти окруженъ моими войсками. Кастлери былъ чрезвычайно встревоженъ. Онъ боялся попасть въ мои руки, тѣмъ болѣе, что онъ не былъ аккредитованъ въ качествѣ посланника во Франціи и не былъ облеченъ никакимъ инымъ дипломатическимъ званіемъ, такъ что я могъ бы обойтись съ нимъ, какъ съ врагомъ. Онъ отправился къ Коленкуру, сообщилъ ему свои опасенія и сказалъ, между прочимъ, что я въ правѣ прибѣгнуть по отношенію къ нему къ насильственнымъ мѣрамъ. Онъ не считалъ возможнымъ сдѣлать попытку къ побѣгу, боясь попасть въ руки моихъ солдатъ. Коленкуръ на это отвѣтилъ, что онъ не думаетъ, чтобы я обратилъ на него вниманіе, хотя онъ конечно не можетъ предугадать, какъ я поступлю относительно его.“

„Вскорѣ послѣ этого разговора, Коленкуръ сообщилъ мнѣ письменно то, что сказалъ ему Кастлери, и что онъ ему отвѣтилъ. Я велѣлъ передать этому лорду, чтобы онъ не тревожился и остался на мѣстѣ, что я смотрю на него какъ на посланника“.

О'Меара рѣшился высказать свое удивленіе по поводу того, что Марія-Луиза не сдѣлала, повидимому, ничего въ пользу своего мужа.

„Мнѣ кажется, отвѣчалъ на это Наполеонъ, что Марію-Луизу такъ обошли, что ея воля была парализована. Моя добрая Луиза всегда держала себя относительно меня прекрасно, и я увѣренъ, что не въ ея власти чѣмъ-либо было помочь мнѣ. Къ тому же она молода и робка. Мое несчастье быть можетъ въ томъ, что я не женился на сестрѣ Императора Александра, какъ онъ предлагалъ мнѣ въ Эрфуртѣ. Но осуществленію этого брака мѣшали непреодолимыя затрудненія, заключавшіяся въ различіи вѣры. Я не могъ помириться съ мыслию, что духовникомъ моей жены будетъ русскій священникъ, а это было бы неизбѣжно; мнѣ казалось, что я этимъ введу въ Тюильрійскій дворецъ преданнаго Александру шпиона. Говорили, будто вступленіе мое въ бракъ съ Маріей-Луизой было обусловлено секретной статьею Вѣнскаго договора; это ложь. Я бы не согласился на подобное условіе. Этотъ бракъ былъ предложенъ самимъ императоромъ Францомъ. Какъ только стало извѣстно, что интересы Франціи побудили меня расторгнуть мой союзъ, самые первые монархи Европы выразили желаніе породниться со мною. Австрійскій императоръ, узнавъ объ этомъ, тотчасъ послалъ за Нарбономъ и выразилъ ему свое удивленіе по поводу того, что не подумали о его домѣ: тогда обсуждался вопросъ о бракѣ съ русской или саксонскою принцессой. Вѣнскій кабинетъ послалъ инструкціи князю Шварценбергу, посланнику въ Парижѣ. Одновременно были получены отъ русскаго посланника депеши, въ коихъ говорилось, что Императоръ Александръ предлагаетъ свою сестру, Великую Княжну Анну. Но тутъ возникли затрудненія относительно православной церкви, которую предполагалось соорудить для нее въ Тюильри. По этому поводу состоялось секретное засѣданіе Совѣта, и вопросъ о моемъ бракѣ съ Маріей-Луизой былъ рѣшенъ въ двадцать четыре часа; это могутъ подтвердить находящіеся еще въ живыхъ многіе изъ членовъ совѣта.

„Многіе изъ нихъ были того мнѣнія, что мнѣ слѣдовало жениться на французкѣ, и аргументы въ пользу этого мнѣнія были настолько убѣдительны, что былъ моментъ, когда я едва съ этимъ не согласился, но большинство голосовъ высказалось все-таки за австрійскую принцессу. Тогда я уполномочилъ принца Евгенія начать переговоры съ княземъ Шварценбергомъ. Императоръ Александръ былъ недоволенъ, полагая, что его провели, ведя переговоры одновременно въ двухъ мѣстахъ. Но это не вѣрно“.

„До полученія мною депеши отъ Нарбонна, въ которой онъ со-

общалъ о намекаѣ, сдѣланномъ ему по поводу этого брака Меттернихомъ, никто о немъ не думалъ“.

„Изъ всѣхъ бывшихъ въ мое время французскихъ посланниковъ я считаю Нарбонна самымъ достойнымъ. Онъ былъ уменъ отъ природы и обладалъ характеромъ прямымъ и справедливымъ. Пока онъ былъ въ Вѣнѣ, Меттерниху ни разу не удалось провести Францію, какъ въ прежнее время: онъ умѣлъ въ нѣсколько дней проникнуть его планы. Если бы, въ 1812 году, подобный человекъ былъ посланъ къ русскому императору, весьма возможно, что намъ удалось бы заключить миръ; Александръ требовалъ Данцигъ и вознагражденіе для герцога Ольденбургскаго. Румянцевъ убѣдилъ Государя, что я готовъ на всякія жертвы, чтобы добиться мира, и что моментъ благоприятенъ для того, чтобы выступить съ требованіями. Послѣ первыхъ побѣдъ, одержанныхъ моими войсками, Александръ прислалъ ко мнѣ парламентаря сказать, что если я выведу свои войска изъ его владѣній и отступлю къ Нѣману, то онъ согласится вести со мною переговоры. Я не повѣрилъ, чтобы онъ говорилъ это чистосердечно, и подумалъ даже, что, дѣлая мнѣ это предложеніе, онъ хочетъ провести меня. Если бы онъ его возобновилъ, и если бы мы могли переговорить лично въ Вильно, то все вѣроятно уладилось бы.

„Когда я былъ въ Шенбруннѣ, въ моей власти было изложить короля прусскаго и императора австрійскаго (подлинныя слова Наполеона). Великій князь*** не разъ давалъ мнѣ понять, что единственнымъ средствомъ обезпечить преданность австрійцевъ было свергнуть Франца II съ престола и предоставить корону ему и т. д. Онъ повторилъ это предложеніе черезъ посредство одного тайнаго агента, и въ знакъ своей преданности предложилъ мнѣ дать въ заложники своего сына, котораго я могъ взять въ адъютанты; онъ предлагалъ мнѣ и всякія другія гарантіи. Я обдумывалъ этотъ вопросъ, но мой бракъ съ Маріей-Луизой положилъ конецъ моимъ колебаніямъ. Жаль, что я не осуществилъ тотъ планъ, который выполнить было бы не трудно; стоило лишь захотѣть“.

„Императоръ Францъ придаетъ большое значеніе древности рода; и ему очень хотѣлось доказать, что я происхожу по прямой линіи отъ одного изъ древнихъ тиранновъ Травизы; послѣ моего брака съ Маріей-Луизой онъ поручилъ нѣкоторымъ лицамъ изучить старинныя дворянскіе документы и грамоты, въ которыхъ онъ надѣялся найти доказательство того, чего онъ такъ страстно желалъ. Когда его старанія увѣнчались, какъ ему казалось, успѣхомъ, онъ написалъ мнѣ, прося моего разрѣшенія, опубликовать результатъ этихъ розысковъ, подтвержденный оффиціально. Я отказался. Во-

прось этотъ такъ интересовалъ его, что онъ вторично писалъ мнѣ; прося *предоставить ему сдѣлать это* самому, присовокупивъ, что я могу сдѣлать видъ, будто я не принималъ въ этомъ дѣлѣ никакого участія.

„На это я отвѣчалъ, что никто не повѣритъ, чтобы документъ, свидѣтельствующій о древности моего рода и о происхожденіи его по мужской линіи отъ царской крови, могъ быть отысканъ и обнаруженъ безъ моего вѣдома; и что я предпочитаю считаться сыномъ честнаго человѣка, нежели праправнукомъ неизвѣстнаго италіанскаго тирана“.

Говоря о томъ, что было причиною его гибели, Наполеонъ сказалъ: „Если бы не роковое перемиріе, которое я былъ вынужденъ заключить въ 1813 г., по настоянію Австріи, то я одержалъ бы дальнѣйшій рядъ побѣдъ. Побѣды, одержанныя при Люценѣ и Вюрценѣ, придали французской арміи увѣренность въ себѣ.

„Русская и прусская арміи готовились перейти Вислу въ то время, какъ австрійскій кабинетъ со свойственной ему ловкостью настоялъ на томъ, чтобы непріязненные дѣйствія были приостановлены въ тотъ именно моментъ, когда онъ уже вошелъ въ соглашеніе съ Россіей и Пруссіей. Перемиріе было только уловкой, чтобы выиграть время и сдѣлать нужныя приготовленія; ибо эта держава рѣшила въ маѣ мѣсяцѣ выступить противъ Франціи. Мои побѣды заставили ее дѣйствовать съ большей осмотрительностью. Ей было необходимо выиграть время, и въ Прагѣ были начаты переговоры; Меттернихъ настаивалъ на томъ, чтобы Австрія получила половину Италіи, и предложилъ другія тяжелыя условія, будучи увѣренъ въ томъ, что они будутъ отвергнуты. Какъ только Австрія сосредоточила свои войска, она объявила Франціи войну. Послѣ побѣды подъ Дрезденомъ, у меня оказаались болѣе превосходныя силы, и я хотѣлъ обмануть ихъ, совершивъ диверсію въ сторону Магдебурга, перейти Эльбу у Виттенберга и идти на Берлинъ. Нѣсколько дивизій моей арміи были заняты выполненіемъ этого маневра, когда мнѣ передали отъ имени короля Виртембергскаго письмо, коимъ онъ извѣщалъ меня, что баварская армія присоединилась къ австрійцамъ, и что ихъ восьмидесяти тысячное войско идетъ къ Рейну, подъ командою Вреде; что самъ Вреде, вынужденный къ тому присутствіемъ этой арміи, сосредоточилъ свои силы, и что Майнцъ будетъ скоро занятъ стотысячной арміей.

„Эта неожиданная измѣна совершенно разрушила составленный мною планъ кампаніи, и всѣ приготовленія, сдѣланныя мною для того, чтобы локализовать театръ военныхъ дѣйствій между Эльбой и Одеромъ, оказались бесполезны.

„Позднѣе подѣ Лейпцигомъ, я одержалъ 16-го числа (октября) побѣду; побѣда была бы на моей сторонѣ и 18 числа, если бы вся саксонская армія, занимавшая одну изъ важнѣйшихъ позицій, не перешла на сторону непріятели съ 60 орудіями, которыя тотчасъ обратили свои дула противъ меня. Несмотря на это, поле битвы осталось за мной; союзники совершили въ тотъ же день попятное движеніе. Ночью я далъ войскамъ приказаніе отступить къ нашимъ резервнымъ корпусамъ за Эльстеръ. Измѣна нѣкоторыхъ другихъ нѣмецкихъ корпусовъ и случай, происшедшій у Лейпцигскаго моста, который былъ взорванъ слишкомъ рано, имѣли самыя пагубныя послѣдствія. Перейдя Саалу, армія должна была остановиться, чтобы оправиться отъ утомленія и запастись въ Эрфуртѣ военными и съѣстными припасами. Но мнѣ донесли, что австро-баварская армія, подѣ командою фонъ-Вреде, подошла форсированнымъ маршемъ къ Майну, куда мнѣ и надлежало двинуть свои силы. Въ Ганау фонъ-Вреде былъ оттѣсненъ со своей позиціи, разбитъ на-голову и раненъ.

Затѣмъ состоялись конференціи во Франкфуртѣ; условіемъ мирнаго договора было поставлено, что я откажусь отъ протектората надъ Рейнскимъ союзомъ, отъ Польши и отъ пріэльбскихъ провинцій, и что границею Франціи будутъ Рейнъ и Альпы. Эти условія были положены въ основу переговоровъ. Но этотъ конгрессъ былъ такъ же бесплоденъ, какъ и остальные, ибо въ тотъ моментъ, когда дѣлались эти миролюбивыя предложенія, союзники нарушили нейтралитетъ Швейцаріи, куда они вступили съ значительными силами. Затѣмъ ими былъ предъявленъ въ Шатильонѣ *ультиматумъ*, съ требованіемъ, чтобы границы Франціи были сохранены тѣ же, какъ въ 1792 году; это было мною отвергнуто. Не будь послѣдовательныхъ измѣнъ Талейрана, Мармонта и Ожера, войска союзниковъ потерпѣли бы пораженіе“.

Сообщ. В. Тимошукъ.

